

ЗВУЧИТ МУЗЫКА ШОСТАКОВИЧА

КОГДА мы с чувством вполне законной гордости говорим сегодня о советской музыкальной классике, это высокое понятие для нас неотделимо от лучших симфоний Дмитрия Шостаковича. Пятая, Седьмая, Восьмая, Одиннадцатая... Они, как звучащая летопись жизни страны, в них запечатлены события революционного прошлого и героика настоящего, патриотический пафос Великой Отечественной войны и сложный духовный мир нового человека. Есть у Шостаковича и симфонии углубленно психологические, если так можно выразиться, более интимные, чем, скажем, Седьмая и Одиннадцатая, хотя его искусство никогда не замыкается в рамки чисто субъективных переживаний и неизменно отражает человека, напряженно живущего обществеными, гражданскими интересами своей эпохи: таковы Четвертая, Шестая, Десятая. Наконец, есть симфонии-плакаты — Вторая и Третья, — воссоздающие атмосферу массовых протестных празднеств, митингов, маевок, энергию поступи огромной народной толпы. Пусть в этих детях молодого композитора (Шостаковичу было всего 23 года, когда он закончил «Первомайскую») нет еще ни мудрой глубины мысли, ни захватывающего драматизма, ни строгой экономии выразительных средств. Но они вдохновлены искренним и почетным стремлением поднять большую, социального масштаба тему, приблизить симфонию к актуальным идейным запросам.

На днях третья симфония Шостаковича — «Первомайская» после большого перерыва вновь прозвучала в Ленинграде в исполнении оркестра Ленинградской филармонии и хора студентов Института культуры имени Крупской под управлением молодого дирижера Игоря Блажкова. Интересное впечатление оставляет это сочинение. С одной стороны, оно мало соответствует нашим представлениям о Шостаковиче — мастере классически стройных архитектурных пропорций, длительного, неуклонно последовательного развертывания темы-образа. Форма здесь вздыблена, логика традиционного симфонического цикла сломана и уступила место своеобразному монтажу контрастных разнохарактерных эпизодов, изобилуют резкие, внезапные переходы темпа. С другой стороны, многие страницы «Первомайской» непосредственно превосходят зрелые, притом наиболее значительные, публицистические по содержанию произведения Шостаковича, вплоть до Седьмой и Одиннадцатой симфоний или Десяти хоровых поэм на слова революционных поэтов. В «Первомайской» Шостакович впервые вплотную соприкоснулся с интонационной стихией массовой советской песни — революционной, призывно-героической, молодежной, лирической — и нащупал те образы, которые потом получили в его творчестве более обобщенное и художественно законченное преломление.

Характерные качества Третьей тонко подметил В. Асафьев, пи-

савший при ее появлении, что это «едва ли не единичная попытка рождения симфонизма из динамики революционного ораторства, ораторской атмосферы, ораторских интонаций». Добавим — и массовой бытовой песенности; в Третьей кристаллизуются попевки будущих широко популярных песен Шостаковича. Чтобы полностью оценить «Первомайскую», а равно понять происхождение некоторых ее композиционно-стилистических противоречий, надо учесть, что в те годы советское искусство в целом только прокладывало себе дорогу к современной тематике. Для симфонизма она была неосвоенной, принципы ее воплощения не были выработаны, и кое-кому соряча казалось, что симфонию придется сдать в архив вместе с прочими «устарелыми» формами и жанрами. Отсюда — необычность, экспериментальность конструкции «Первомайской». Она одночастна, причем смена музыкальных эпизодов подчинена программному замыслу.

Открывает симфонию светлый поэтический пейзаж — картина весеннего утра, радостного пробуждения природы. Затем возникает образ шествия, праздничной демонстрации, наполненной звонкой перекличкой голосов, звуками песен и маршей; колонны сменяют друг друга, под бодрую трель барабана проходит пионерский отряд, шествие удаляется, затихает и снова приближается. Самостоятельный крупный раздел симфонии образует эпизод митинга: мощные унисоны оркестра, будто патетическая речь с трибуны, ответные возгласы, возбужденный гул площади. Точкой наивысшей кульминации, к которой устремлено все музыкальное действие (в «Первомайской» и вправду присутствует некое театральное зримое, конкретное действие), является монументальный хоровой финал, славящий Первое мая, торжество свободы и труда.

Партитура «Первомайской» ставит перед исполнителями весьма сложные задачи. Она насыщена полифоническими напластованиями, ритмическая ткань и чрезвычайно выпукла, динамична, и прихотливо изменчива, тембровые сочетания иногда острые и непривычные. Дирижер И. Блажков успешно преодолел все эти трудности. Ему удалось сделать и большее: он сумел спаять воедино контрастные эпизоды симфонии, выявив монотематическое их родство, неослабевающий внутренний «нерв»; лишь в эпизоде митинга, быть может, несколько растянутом, где-то к концу почувствовался известный спад напряжения. Зато ему чудесно, удалась и лирически одухотворенные страницы симфонии, в которых он подчеркнул обаятельную русскую распевность мелоса, и заразительно бодрые картины шествия, и динамика стремительных нарастаний. Хорошо справился со своей партией и студенческий хор, несмотря на сугубую невокальность текста С. Кирсанова, где преобладают неудобные нагроможденные шипящих звуков и выспренняя символика.

М. САБИНИНА.